Радек

ВОЙНА ПОЛЬСКИХ БЕЛОГВ.

9747
9/47.5
EH161
B754

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

69883

6/I 1984 7947
2754
ЕН 161
В 754
9(47.5)
Р 15

К. РАДЕК.

ВОЙНА ПОЛЬСКИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

(Доклад на собрании агитаторов Московских организаций К. П. 8/V 1920 г.)

БИБЛІОТЕКА
МОСК. ГЛ. АРХИВА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТР. ДЕЛЪ
Отдѣлъ 8 № 166/I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920.

2экз

EH161
B754

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1058502

ф
29888

Товарищи, польское нападение вызвало взрыв негодования в передовых массах советской России, но вопрос не в негодовании. В первую очередь надо уяснить себе, что представляет эта война для Советской России; цели, которые преследуют польские белогвардейцы, нападая на нас; пределы международного и внутреннего масштаба войны; что кроет в себе нападение польских помещиков и капиталистов. Первый вопрос, на который приходится ответить, когда начинается война, это вопрос о военных целях, которые преследует страна, эту войну начинающая.

За что борются поляки, чего они добиваются от Советской России?

Само собой понятно, что, подобно всем империалистским державам, начиная войну, польское правительство заявляет польским народным массам, что оно шлет их в бой за независимость Польши. И вот нам в первую очередь надо ответить на вопрос, **правда ли, что поляки защищают независимость Польши против Советской России, что мы здесь имеем дело с освободительной войной Польши, против империализма коммунистов**, о котором столько пишет и польская и иностранная капиталистическая печать? Товарищи, достаточно вспомнить только об отношении коммунизма вообще и советского правительства в частности, к польскому вопросу, дабы стало ясно для всякого, что нет речи о том, что это—война поляков за независимость их страны. Вы знаете, товарищи, что еще тогда, когда коммунистическая партия не существовала, когда она составляла часть с.-д. России, партийная программа признавала право всех наций на самоопределение, а специально по отношению к полякам русская с.-д-тия всегда признавала право Польши на независимость. Советское правительство выдвинуло лозунг независимости Польши с первых дней своего существования. Когда в Брест-Литовске шла борьба представителей советского правительства против германского империализма, представители Советской России, несмотря на свое неслыханно тяжелое положение, не молчали о Польше, находившейся тогда под игом германского империализма, под железной пятой генерала Безелера. В состав

БИБЛІОТЕКА
МОСК. ГЛ. [illegible]
МИНИСТЕРСТВА [illegible]
Отдѣлъ 8 № 166/I

русской делегации вошли представители польских коммунистов и в своем заявлении, прочитанном во время мирных переговоров на пленарном заседании, перед лицом всего мира, они бросили вызов германскому империализму, доказывая в своей декларации, что германский милитаризм лжет, когда утверждает, что он освободил Польшу от ига царизма, ибо германский империализм держит Польшу в железных тисках. Польские коммунисты, с одобрения русской делегации, заявили германскому империализму, что требуют, чтобы польские солдаты, которые проливали кровь на всех фронтах, имели право решать сами, как они хотят устроить жизнь польского народа. Товарищи! В продолжение многих месяцев после заключения Брестского договора, когда здесь, в Москве, находился представитель тогдашнего польского лже-правительства, который на деле был представителем германских оккупационных властей, г. Ледницкий, Комиссариат Иностранных Дел Советской России никогда не признавал в этом представителе мелкой клики, которому германское правительство разрешило играть роль представителя Польши, действительного представителя Польши. Мы во всех наших переговорах с германским правительством заявляли: «...ы изволили прислать сюда поляка, как уполномоченного по делам Польши, вами занятой, и мы принуждены говорить с вами о всех вопросах и будем с ним говорить о делах, для которых вы его командировали,—но, пока Польша находится во власти чужих оккупационных войск, нет польского представителя».

В 1918 г., как известно, после крушения германского империализма и бегства германских оккупационных войск из Польши, была создана независимая Польша. Мы знали великолепно, что это правительство находится в теснейшей связи с союзниками и что оно зависит от союзного капитала, но раз там не было чужих войск, раз польский народ это правительство терпел, хотя его рабочие массы не признавали, мы признали польскую республику и мы предложили сейчас же, первому же правительству Морачевского, мирные переговоры. Польское правительство из боязни перед союзниками, которые тогда стремились уничтожить Советскую Россию, не решилось на вступление в переговоры с нами. После падения правительства Морачевского, когда польский сейм создал правительство с Падеревским во главе, Советская Россия вела переговоры с этим правительством через его уполномоченного Венцковского, заявляя готовность уладить все спорные вопросы, которые оставил нам в наследство царизм и правительство Керенского, мирным путем, путем переговоров. Несмотря на то, что польское правительство ответило на наше предложение молчанием, мы, разбив Деникина, Юденича, Колчака, имея свободные руки, будучи в состоянии начать войну с Польшей, все же в декабре прошлого года снова возобновили с Польшей мирные переговоры. **Ц. И. К. Советов 28 января этого года в самой торжественной форме признает не**

зависимость Польши, призывает польский народ к мирным переговорам с русским народом. Поляки молчали, ждали, будут ли союзники вести с нами переговоры или нет; зависимо от точки зрения союзников, польские господствующие классы решали, говорить с нами или нет.

Наконец, когда английское правительство, когда лига наций заговорили с нами, когда представители русского советского правительства начали переговоры с союзниками о торговых сношениях, тогда, наконец, поляки решили начать с нами говорить. Вы знаете дальнейшую историю наших переговоров с поляками: они предложили нам переговоры в Борисове, прямо на линии фронта, отклонили общее перемирие, согласились на перемирие только на участке Борисова. Мы на переговоры в это место итти не могли, не потому, что мы хотели решать по-военному наш спор с Польшей: ведь мы предлагали полякам переговоры въ Варшаве, если они хотят играть роль победителей, хотя они нас не побеждали. Считаясь с тем, что поляки будут бояться переговоров в Варшаве, дабы польские рабочие демонстрациями и забастовками не доказали всему миру, что они стоят не за свое белогвардейское правительство, а за Советскую Россию, мы говорили им: „Если вы боитесь переговоров в Варшаве, приезжайте к нам в Москву, а если не хотите приезжать в Москву, чтобы не говорили, что мы победили, тогда устроим переговоры в нейтральной Эстонии". И когда это было отклонено, мы предложили мирные переговоры в Лондоне, Париже, в столицах их, а не наших союзников. Но и это поляки отклонили.

Почему же мы, товарищи, не пошли в Борисов?

По совершенно простой причине: отклоняя общее перемирие, поляки этим доказали, что они захотят, въ случае надобности влиять на ход переговоров военными действиями. Каково же общее военное положение? Здесь не приходится раскрывать какую-то военную тайну. Военное положение такое, что, в случае, если бы мы согласились на частичное перемирие на борисовском фронте, мы связали бы себе руки, потому что они понимали, что мы наилучшим образом можем ответить на их удар контрударом по направлению Минска. Всякий, кто посмотрит на расположение наших железных дорог, знает, что наша защита может иметь успех, может вестись или через Двинск—Вильно, или через Минск на Брест-Литовск. Так как Двинск занят поляками, (они держат его как плацдарм, закрепляющий в их руках переход через Двину) то единственным удобным способом защиты России было бы наше наступление на минском фронте. Что они готовят нападение на нас на юге, это было для нас совершенно ясно, ибо там они скапливали значительные силы. Если бы мы

согласились итти на переговоры в Борисов, тогда это перемирие на борисовском фронте оставило бы страну без защиты и позволило бы полякам спокойнейшим образом двигаться на Украину. Требование Польши вести переговоры в Борисове было доказательством того, что мир, на который идет Польша, это—грабительский, насильственный мир, это—мир, который корреспондент самой дружелюбной по отношению к Польше газеты «Таймс» назвал **польским миром**, миром, который диктует Польша. Само собой понятно, что **Советская Россия**, справившаяся с Деникиным, Колчаком, Юденичем, за которыми стояла Антанта, самая мощная группа международного капитала, **не могла отдаться со связанными руками польским белогвардейцам**, не могла принять условий мира, которые они навязали бы в Борисове русской советской делегации под грохот пушек. **Какова же программа польских белогвардейцев**, которую они хотели навязать нам в Борисове, какова цель, за которую они теперь борются? Польское правительство, которое называется демократическим правительством и которое нас называет правительством недемократическим, польское правительство никогда ни народу польскому, ни даже польскому сейму не сказало открыто, чего оно хочет, чего оно добивается. Но польская печать дискуссиями, борьбой пояснила, в чем дело, и мы знаем это совершенно подробно: это не представляет для нас никакой тайны. Польское правительство выдвинуло два лозунга: первый лозунг — **граница 1772 года**, второй — **возмещение убытков**, которые понесла Польша в течение 4-х лет империалистической войны.

Что такое граница 1772 года?

Поляки заявляют очень гордо: „Мы требуем уничтожения захватов царицы Екатерины II 1772-го года. Так как в 1772-м году Польша была ограблена русским царизмом, то поэтому все земли, которые принадлежали тогда Польше, должны отойти от России". Товарищи, надо спросить, во-первых, какие это земли принадлежали тогда Польше и были ограблены русским царизмом? Если вы возьмете карту польских границ 1772 года, то вы увидите, что эта карта охватывает **Курляндию**, вплоть до Риги. Она охватывает так называемые **польские Инфлянты**, это значит, громадную полосу земли на северо-восток от Двинска: **Витебскую** губернию, **Смоленскую**, вплоть до Смоленска. **Могилевскую** губернию, она охватывает **земли за Гомелем**, на восток от него, всю **праводнепровскую Украину и Волынь**. Откуда взялись эти земли у поляков, **были ли они польской землей, населенной польским населением?** Польские-географы сами заявляют, что если бы все эти земли вернулись к Польше, то тогда в пределах Польши жило бы только 38% поляков. Граница 1772 года это—та граница, в которой теперь, по польскому статистическому подсчету, живет 38% поляков, 22—24% украин-

цев, 10—11% белоруссов, 11% немцев, 10% евреев, 3½% литовцев, 2½% русских. Я говорю, что это польская статистика, но по русской статистике,—русских там, понятно, больше, чем 2½%. Но даже по расчету поляков, в этих пределах польской земли жило бы только 38% поляков, значит, немногим больше, чем треть населения была бы польская, **ибо старая шляхетская польская республика в пределах 1772 года была государством, созданным при помощи грабительских войн польской шляхты, польских помещиков, которые захватывали земли, населенные литовцами, белоруссами, украинцами, русскими,—земли, в которых только верхушки, только господствующие классы ассимилировались польским господствующим классом, тогда как крестьянство оставалось чужим по национальности и находилось в полном рабстве.** Когда поляки выдвигают лозунг **против аннексии**, они говорят этим, что то, **что наши деды награбили, принадлежит искони нам**: так как польские старые господствующие классы наложили иго на украинцев, литовцев, белоруссов и русских, поэтому справедливо требование, чтобы все эти земли ушли от России. Само собой понятно, что здесь поляки ведут с лозунгом против аннексии мошенническую игру, которой они научились у немцев. Германский империализм точно так же говорил, если какой-нибудь народ находился под чужим игом: он находится под чужим игом, надо его освободить и пусть он находится под нашим игом,—это есть наша справедливость. Польские паны также сами понимают борьбу с аннексиями. Они хотят ограбить Белоруссию, Литву и стараются захватить чисто русские земли, и это называют освобождением этих областей от русского ига. **Товарищи, что кроется за этой программой аннексии, какие классы стоят за ней, кто в Польше выдвигает эту программу?** Ответ на этот вопрос даст вам снова статистика. Если вы, товарищи, возьмете статистические цифры, указывающие, какой процент иноплеменного и польского населения живет в тех областях, на которые претендуют поляки, то вы увидите, что на территории Ковенской губернии живет 3½% поляков, Виленской—15%, Гродненской—4½%, Витебской—3½%, Минской—4½%, Могилевской—2,7%; в так называемых польских Инфлянтах, землях на северо-восток от Двинска, живет: в Двинском округе 12% поляков, Режицком—2,8%, в Люнице—8,9%, Курляндии—4½%; на Волыни—7½%, в Подолии—8½%, в правобережной Украине—3½%. Но присмотримся теперь, товарищи, **какой состав помещиков в этих областях**, как там разделена была земля, и тогда вы сейчас увидите, какие классы стоят за политику польского правительства. Я ссылаюсь, как на источник, на книгу польского ученого, польского статистика, Ваккара, который, изучив русскую статистику и собрав все материалы, дает следующие цифры: из поместий с площадью до 65 гектаров у поляков было: в Виленской губернии 50%, Ковенской—47%, Гродненской—40%, Минской—38%, Витебской—17%, Могилевской—13%. Если возьмете поместья покрупней, от 65 до 160 гектаров, то в Виленской губернии поместья, принадлежав-

шие полякам, составят 59%, Ковенской—71%, Гродненской—51%, Минской—45%, Витебской—33%, Могилевской—29%. Если возьмете еще более крупные поместья от 165 до 330 гектаров, то польским помещикам принадлежало в Виленской губернии 70%, Ковенской—73%, Гродненской—47%, Минской—45%, Витебской—33%, Могилевской—29%. На Волыни польским помещикам принадлежало 47% крупных поместий от 50 до 250 десятин и 33 средних поместий; в Подолии 55% крупных поместий, 23% средних; на правобережной Украине 44% крупных поместья, 16% средних. Что это означает? Это означает, что, если мы возьмем число поляков, живущих в областях, которые они требуют от нас, то их там окажется **от 2 до 15%**. А если вы посмотрите, сколько земли принадлежит полякам, то окажется, что перед русской революцией на этих землях $^3/_4$ крупных поместий находились в руках поляков. **Исходным пунктом политики польского правительства по отношению к России является желание вырвать из рук крестьян, которых освободила русская революция, земли и вернуть эти земли крупным польским помещикам, которые, составляя незначительное меньшинство населения, держали в своих руках громадные пространства и жили на счет трудового крестьянства на Украине, в Подолии, Волыни, Белоруссии и Литве.** Вот что означает политика польского правительства. Это есть политика грабежа в интересах польского помещика.

Теперь является вопрос. Неужели возможно, чтобы правительство, президетом которого является польский соглашатель, выдвигало, как свою программу, как цель войны, грабеж крестьянской земли в пользу польских помещиков? Разгадка очень проста. Кадры польского офицерства, его руководители это — сыновья польских помещиков на Украине, в Литве, Белоруссии; эти барчуки были националистами, патриотами, ибо старое, царское русское правительство смотрело на польских помещиков на Украине, в Белоруссии, в Литве, как на чужой элемент. Русское царское правительство смотрело на них, как на известную опасность, в то время, как оно открыто поддерживало польских помещиков в Царстве Польском. Польские барчуки на Украине были не только националистами, они заигрывали с социализмом, ибо это не была опасная игра. С одной стороны, в этой области пролетариат очень слаб, и им не приходилось очень бояться, что если они будут социалистами, то придется взять у панапии землю и отдать крестьянам. А между тем их игра в социализм давала им поддержку у рабочих в Царстве Польском. Из этой среды вышли верхи старой польской соглашательской партии, польских меньшевиков или т. н. польской социалистической партии и, эта партия связана через своих руководителей с польскими помещиками и защищает теперь интересы этих помещиков.

«Возмещение убытков».

Вторая часть программы Польши — программа возмещения убытков за все ущербы, которые причинила полякам война. Товарищи, всякий из нас знает великолепно, что Польша неслыханно пострадала от войны. Польские земли грабили войска германского империализма, польские города и деревни грабили и царские войска, когда их германские пушки гнали из Польши. Мы знаем, какая громадная нужда народных масс в Польше, но мы спрашиваем, **кто виновник этой войны, кто должен возмещать эти убытки?** Трудовой народ России, русские рабочие боролись против войны, советское правительство было создано путем борьбы трудовых масс России против войны. Оно было создано, как восстание против войны. А как держались польские буржуа и помещики во время войны? Если взять счет германских грабежей, германских проделок в Польше, **то ведь половина теперешнего польского правительства, во главе с польским маршалом Пилсудским, была лакеем и германского, и австрийского империализма, и вся их игра была игрой на победу германского империализма.** Ведь польский маршал Иосиф Пилсудский создал за два года перед этой войной польские легионы, чтобы бороться на стороне германцев. Он ожидал этой войны, как спасения, он молился о ней Богу, чтобы он мог доказать в этой войне свои стратегические таланты, чтобы он мог в этой войне освободить Польшу. Если вы возьмете **другую часть — польские господствующие классы** если вы возьмете национал-демократов с их вождями Романом **Дмовским**, Владиславом и Станиславом **Грабскими**, то они были связаны с русским царизмом, с русскими кадетами, они принимали участие в славянском съезде в Праге в 1908 году, который мобилизовал всех славян для войны на стороне царской России. Все время войны эти господа были за войну. У нас, товарищи, находится целый чемодан бумаг, который мы захватили при бывшем премьер-министре Штюрмере, в которых эти представители польской буржуазии и помещиков делали доклады царскому правительству, как лучше захватывать польские земли, как лучше вести войну, так что, **если здесь дело идет об убытках и возмещении их, то польские трудовые массы, которые так неслыханно много страдали в эту войну, должны затребовать счет от польских господствующих классов, которые совместно с германским и русским империализмом ограбили Польшу и сделали ее страной пепелищ.** Советская Россия, зная нужду польских народных масс, считала своей программой совместную работу всех трудящихся всего мира для того, чтобы снова создать из пепелища Европу, чтобы снова построить дома и фабрики; она всегда готова к солидарной работе с польскими трудовыми массами, дабы помочь им сделать из Польши страну, в которой можно жить. Но русское советское правительство не имеет никакой при-

чины давать деньги за счет русских трудовых масс, которые не меньше, чем польские трудовые массы, терпели от войны, **давать эти деньги польским господствующим классам, которые заботятся столько же о рабоче-крестьянской массе, сколько о ней заботится бывший китайский император.** Программа польских господствующих классов по отношению к Советской России, программа, которую они хотели нам навязать в Борисове, это—программа **грабежа земель украинских, русских, белорусских, литовских крестьян, это—программа грабежа всего того, что еще осталось в России после четырех лет империалистической войны; что осталось еще в России после двух лет гражданской войны,- и на эту программу, конечно, советское правительство, как ответственный хозяин русского народа, не могло итти и не пойдет.**

„Освобождение Украйны".

Товарищи, само собой понятно снова, что польские помещики и капиталисты, которые выдвинули программу 1772 года и программу возмещения убытков, причиненных ими же самими польскому народу, не говорят открыто ни об аннексии, ни о грабеже русских достатков. Они говорят так: «Мы не требуем, чтобы эти земли ушли к нам, мы требуем только, чтобы они отошли от России, а как эти земли устроить потом, об этом мы уже поговорим с народами, которые живут на этой земле.» И вы знаете, что они начали говорить с этими народами. Вот **латыши**, которые имеют армию, территорию которых поляки еще не сумели захватить,—им, как сильным, польские белогвардейцы обещают Двинск и Инфлянты за военную помощь против Советской России. **Литовцев** они „самоопределили" и вы знаете, каким образом.—захватив Виленскую губернию, установив там осадное положение и ведя борьбу с литовскими крестьянами; **белоруссов** они самоопределили таким образом, что белорусское правительство находится в тюрьме, или бежит из тюрьмы за границу. Как они самоопределили Украину, это они доказали самым лучшим образом, связавшись **с Семеном Петлюрой.** Кто такой Петлюра, об этом знает теперь всякий русский и украинский рабочий, а я хочу только кратко напомнить вам политическую историю этого авантюриста. Петлюра принадлежал к киевской раде, которая в Брест-Литовске заключила мирный договор **с германским империализмом** за обещание признания независимости Украины, за обещание отнять у поляков холмские земли. Киевская рада пригласила германские войска освобождать Украину и обещала германцам за это хлеб. Киевская рада представляла мелкую кучку украинской интеллигенции, не имеющей никаких корней ни в рабочем классе, ни в крестьянстве. Это была меньшевистская с.-р.-ская интеллигенция, которая, когда пригласила немцев освобождать Украину, сейчас же очутилась в кулаке

у немцев. Вы знаете, как кончилась затея киевской рады, с которой был солидарен Семен Петлюра. Она кончилась тем, что германское правительство арестовало раду, поставило ее перед судом, назначив властителем украинским такого свежеиспеченного украинца, как генерал Скоропадский, который стал называться Павло Скоропадский и который служил только прикрытием для господства фельдмаршала Эйхгорна, палача украинского народа. Когда украинские крестьяне начали борьбу против германского империалистического нашествия, тогда Семен Петлюра обратился к советскому правительству с просьбой о помощи для борьбы с германским нашествием. Мы великолепно знаем, что Семен Петлюра чистейшей воды авантюрист, на которого не приходится полагаться, **мы**, теперь это можно сказать открыто, **дали ему деньги** в том расчете, что Петлюра поможет сбросить иго германцев, а после украинские рабочие и крестьяне справятся с самим Петлюрой. Когда **союзники** начали наступать на Советскую Россию, высадив десант в Одессе, когда генерал Франсе Д'есрере двигал свои войска против Советской России с Балкан, **тогда Петлюра начал заигрывать с союзниками, предлагать им** воевать с Советской Россией. Игра не была доведена до конца, ибо союзники знали, что русские белогвардейцы сильнее Петлюры, что Деникин, Колчак сильнее украинской интеллигенции, ибо за ними стоят русские помещики и русские капиталисты, в то время, как интеллигенция Украины представляет только безграмотность, которая никогда не являлась крупной силой в истории. Союзники отказались признать правительство Петлюры, отказались помогать ему против большевиков. Деникин занимает Украину, двигается на Киев, и тогда правительство Петлюры снова обращается в Москву к нашему правительству, предлагая совместные действия против Деникина и в то же время обращается через своего берлинского посла ко мне с предложением союза против деникинцев, заявляя, что они понимают свои ошибки, хотят с нами жить в мире и готовы говорить о федерации. Понятно, мы ни на какие сделки с Петлюрой итти не могли, ибо его не хотят знать ни рабочие, ни крестьяне Украины. Тогда Петлюра, вытесненный нами, находился на самых окраинах Украины, в Каменец-Подольске. Теперь он обращается к полякам, он бежит в Варшаву, предлагает полякам сделку, заключает с ними договор, о котором, по заявлению Винниченко, бывшего члена директории, польский министр Патек сказал: «Мы знаем, что Петлюра обыкновенный бандит, грабитель, но почему не употребить против большевиков и бандита», Польская буржуазная печать открыто говорит, что, если поляки пойдут в Украину, им придется устраивать оккупацию, и самоопределение, которым теперь прикрываются польские белогвардейцы, означает, что они постараются создать вокруг Царства Польского ряд государств, которые будут находиться в полном порабощении. Программа освобождения Украины от рабоче-крестьян-

ского украинского правительства означает не что иное, как повторение старой политики украинской рады, поскольку дело идет о Петлюре, а со стороны поляков представляет собой попытку аннексии, захвата, грабежа советской Украины.

Союзники и нападение польских белогвардейцев.

Товарищи, для того, чтобы определить возможности, которые несет война с белогвардейской Польшей, надо спросить себя, каково же отношение союзников к этой войне? Вы знаете, товарищи, что Польша была создана при помощи союзников. Как союзники вообще относились к польскому вопросу, об этом рассказал на-днях в парижских газетах Керенский, заявив, что в феврале и марте 1917 года, за несколько дней перед мартовской революцией, Франция заключила договор с царским правительством, по которому она позволяла царскому правительству не только удержать за собой Польшу, но даже продвинуть границу Польши, захватить Галицию, Познань. За это царское правительство обещало Франции поддержку в захватных стремлениях Франции, вплоть до берегов Рейна Союзники так же относились к Польше, как и ко всяким малым народам. Когда германский империализм рухнул, союзники создали Польшу, чтобы иметь в ней плацдарм для борьбы с одной стороны с Германией, с другой стороны с Советской Россией. Весь 19-й год союзники не позволяют Польше начинать никаких мирных переговоров с Советской Россией, они посылают Польше снаряжение, посылают в Польшу офицеров, дабы создать крепкую польскую армию для борьбы против Германии или против Советской России. Все обещания экономической помощи, которые делали союзники Польше, не были исполнены; в экономическом смысле Польша представляет теперь колонию союзников. Союзники посылают в Польшу то, что у них имеется в изобилии: ботинки для дам на высоких каблуках, парфюмерию, дорогой табак и снаряжение, которое сами не могут употребить, ибо войны не ведут. Они посылают самых плохих своих офицеров и приказывают платить им громадные деньги. Когда союзники решили начать мирные переговоры с Советской Россией, они позволили Польше тоже начать эти переговоры. Таким образом теперь перед нами стоит вопрос, как же относятся союзники к польскому наступлению? На этот вопрос много света бросает корреспонденция из Лондона, которую помещает английская империалистская газета «Таймс». Корреспондент этой газеты ближайшим образом связан и с польским правительством и с английским послом в Варшаве, и он дает общую картину положения. Поляки не доверяют Англии, не доверяют англичанам по совершенно законным причинам. Английское правительство, английская буржуазная печать видит в Польше колонию и союзника

Франции. **Франции нужна Польша, если дойдет дело до войны между Францией и Германией;** при всем великолепии версальского мирного договора, было бы удивительно, если бы не дошло до войны; на этот случай Франции нужна военная помощь Польши. Поэтому Франция помогала отнять у Германии не только польские земли, но и земли, на которых живут немцы, для того, чтобы Польша находилась во вражде с Германией и, в случае войны Франции с Германией, бросилась в тыл германской армии. Англия, как вы знаете, тоже не принадлежит к друзьям Германии, но в английской политике преобладают экономические мотивы. Англичане хотят грабить Германию, а если они хотят грабить Германию, то им нельзя всецело поддерживать политику Франции—зарезывание Германии, и поэтому они смотрели не очень ласково на то, что Франция создает себе в Польше военного союзника. Далее, союз Франции и Польши более тесен, чем отношения Польши к Англии. Это создает для Англии ту опасность, что после того, как Англия уничтожила Германию, как самую сильную державу в Европе, на место Германии, Франция сделается государством, решающим судьбы Европы. **Английский империализм всегда вел такую политику, чтобы в Европе все между собой боролись и чтобы никто не имел определенного перевеса.** С этой же целью англичане поддерживают литовцев, и в тот момент, когда французские офицеры обучают польскую армию, в Ковно сидят английские офицеры,—организуют литовскую армию, вооружают литовцев. Англичане играют двойную игру. Когда поляки смотрели с недоверием на английское правительство, когда поляки, как пишет корреспондент «Таймса», в конце апреля боялись, что Англия поможет большевикам, то это имело известную почву фактов под ногами. Вы знаете, что мы обращались к английскому правительству и говорили ему: **если вы хотите торговать с нами, то запретите Польше воевать,** потому что нельзя вести торговлю, если наши железные дороги будут всецело заняты перевозкой войск, если мы не будем в состоянии обновить наше хозяйство. Почему же Англия не запретила воевать Польше? Не подлежит никакому сомнению, что если бы Англия ясно сказала, что она Польшу не только не будет поддерживать, но что она требует от Польши, чтобы она шла на мир с Советской Россией, то польские белогвардейцы не посмели бы воевать. Но английский империализм так же, как капиталисты всех других стран, не решался окончательно заключить с нами мир. Он вошел в сделку с нами, потому, что мы уничтожили Деникина, Колчака и Юденича. Англичане знали, что у нас освободилась армия и что, если они с нами не заключат сделку, не начнут с нами торговать, то мы, чтобы разбить блокаду, будем принуждены бить их там, где бить можно. Это значит, **через Кавказ итти в Турцию, поддержать существующее там громадное турецкое народное движение против них, итти через среднюю Азию, через Ташкент помогать**

революционному движению в Индии. Боясь этого, англичане должны были делать вид, или фактически пытаться войти с нами в сделку. **Но во всякий момент, если бы только существовала возможность нас кинуть, если бы наша Красная Армия разошлась по домам, если бы мы не представляли военной силы, англичане изменили бы свое отношение.** Имея такие задние мысли, не заключая с нами открытого и честного мира, понятно, что англичане не могли решиться открыто выступить против Польши. Но здесь имеется и другое соображение. Польское правительство врало на всю Европу, что большевики начали громадное наступление на всем юго-западном и западном фронте, что сотни тысяч красноармейцев бросились в бой против поляков, и что «доблестная» польская армия разбивает в пух и прах Красную Армию. Этим бюллетеням, над которыми мы здесь смеялись, ибо мы знали, в чем состоят эти громадные бои, англичане поверили, Франция поверила. Вся европейская печать, веря в победы польской армии над незначительными нашими силами, теперь убеждена, что у **нас Красная Армия теперь разложилась и что мы, поэтому, хотим переводить ее на трудармию.** И вот Черчиль говорит своему правительству «Поляки начинают наступать, поляки разобьют советскую армию. Посмотрим, увидим, будем с ними дальше говорить, но если поляки их вздуют, если красные разлетятся, тогда мы снова поможем белогвардейцам, снова устроим белогвардейское восстание, бросимся на Россию, разобьем Советскую Россию и будем торговать уже с русскими белогвардейцами, которые сделают из России колонию международного капитала, ибо, будучи в состоянии держаться в России только при самой сильной помощи союзного капитала, они должны будут продавать все союзникам, должны будут отдавать им все. **Целое Правительство будет только для внешности, а фактически — в России будет управлять англо-франко-американский капитал».** Поляки учли эту игру, и корреспондент «Таймса» рассказывает прямо доводы, с которыми польский министр иностранных дел г. Патек выступил, чтобы влиять на английских капиталистов и добиться у них помощи или хотя бы молчания. Он рассказывает, что польское правительство заявляет союзникам, что при расстроенном русском транспорте большевики не в состоянии дать какое-либо сырье или хлеб, а если поляки займут Украину с Белоруссией и Литвой, то они станут грабить не для себя. Боже, сохрани, они будут **честно делиться с союзниками, они будут поставщиками сырья и хлеба из Украины, леса из Белоруссии.** Польские грабители говорят английским купцам: «Зачем вам торговать с революционерами, которые подкапываются под вас во всем мире? Позвольте нам грабить, а мы вам часть награбленного уступим». Мы не знаем, понравились ли эти аргументы г. Ллойд-Джорджу, не знаем, не обучился ли он на опыте киевской рады, на опыте Германии, что оккупационная власть в состоянии справиться с народом, что если поляки займут Украину, то они будут иметь против себя волну крестьянского движения, тем

более сильную, **что поляки являются исконными врагами украинского крестьянства**, что украинское крестьянство, увидав польских панов, само собой понятно, возьмется за винтовки и косы. Мы не знаем, что решило английское правительство, но не подлежит ни малейшему сомнению, что английское правительство решило, по крайней мере, вести **двойственную игру**: с одной стороны— говорить дальше с нами, вести переговоры с нами, а с другой— присматриваться, как поляки будут грабить и насиловать нас.

Перспективы войны.

Если вы возьмете моральную духовную сторону, то не подлежит сомнению, что на нашей стороне **громадный перевес**. Красная Армия, как бы она ни устала, как бы ни было законно ее желание мира,— является армией крестьянства, во главе которой стоят рабочие, она является армией, которую мы во имя интересов и крестьянства, и рабочих сумели организовать, которая сумела сражаться за интересы Советской России. Это армия, в которой нет классовых противоречий, это армия, в которой солдаты не чувствуют, что сражаются за чужое дело. Польскую армию в большинстве составляют те же самые крестьяне, которым польские помещики не хотели дать землю, хотя польский сейм решил продать земли крупных помещиков свыше 200 гектаров. Но до сегодняшнего дня и этот половинчатый закон не исполнен. Крестьянин имеет в Польше на своей шее помещика и ненавидит его. Затем, в польской армии служат батраки, которые ведут на всем пространстве Польши упорную борьбу. Эти батраки сорганизованы в союзы земледельческих рабочих. В польской армии служат рабочие, которых польское правительство считает своими врагами, рабочие, против которых оно борется с оружием в руках, которыми они заполнило все тюрьмы Польши. Союзники, если они расчитывают на польское нашествие, забывают **свой урок с Деникиным**. Они хотели в 1919 году создать против Советской России фронт, который бы окружал ее со всех сторон, и на этом фронте они главную роль давали полякам. Почему же поляки не двинулись против Советской России тогда, когда Деникин стоял у Орла? Само собой понятно, что если бы поляки двинулись против нас в тот момент, когда Юденич стоял в шести верстах от Петрограда, а Деникин у Орла, если бы в тот момент поляки захватили бы Смоленск, Полоцк, Витебск и двинулись бы по направлению к Москве, то, может быть, мы были бы побеждены. Почему же поляки тогда не пошли на помощь Деникину? Не подлежит сомнению, что у них было достаточно контр-революционной симпатии для Деникина. Они не пошли потому, что они знали, что белые генералы, очутившись у власти, должны снова захватить Польшу и должны были бы начать войну со всех сторон, чтобы оглушить народ великими победами. И поляки, стоя с оружием в руках, начали тогда с нами тайные переговоры и заявили нам линию, через которую они не перейдут. Как же теперь обстоит дело? Товарищи, вы читали вчера обра-

щение бывшего главнокомандующего **А. А. Брусилова** к советскому правительству. Что Брусилов не советский человек, всякий знает. Брусилов, который подчеркивает в своем письме, что земли, которые требуют поляки, земли, «исконно православные», наверное не имеет ничего общего в смысле социального мировоззрения с Советским правительством. **Почему же Брусилов пришел к нам на службу**, тот самый Брусилов, который во время нашей борьбы с Деникиным не думал итти к нам на службу? Ясное дело, что в тот момент, **когда союзники ставят карту на польских белогвардейцев, они отбрасывают от себе русских белогвардейцев.** И Советское правительство, которое **защищает целость и независимость территории, на которой живут русские**, это Советское правительство является для более честных белогвардейских элементов **правительством, защищающим независимость России.** Возможно, что этот генерал надеется, что позже они с нами справятся, быть может, что эти генералы имеют разные задние мысли. Но само собой понятно, что, насколько эти люди честны, **они не могут теперь итти к союзникам, ибо они поднимали знамя восстания против нас во имя не только буржуазии, помещичьих порядков в России, но и во имя русского национализма.** И Союзники, которые до этого времени представляли нас, как маленькую горсть людей, которая захватила власть, помогают нам делаться **центром, вокруг которого будут объединяться все элементы, которые хотят защищать независимость России.** Правые с-р. своим обращением к Ц. И. К., которое полностью будет опубликовано, клеймят, как предателей, Савинкова и Бурцева, говорят союзникам и Польше, чтобы они не надеялись на помощь „демократии". Эта „демократия" заявляет, что она готова бороться против польского нашествия. Что это означает, товарищи? Это означает наше внутреннее усиление. Не подлежит сомнению, что многие контр-революционные элементы готовы даже предать Россию и Польше: есть такие элементы. Как только существует гражданская война, она всегда приводит контр-революционеров к измене. И вы знаете, что кадетские публицисты, как Филосатов и Мережковский, публично заявили Польше: «Идите в Москву, вас там примут с хлебом-солью». **Но из проходимцев армии строить нельзя.** Деникин, Колчак, Юденич – держались тем, что вокруг них собралось значительное количество искренно патриотически настроенной, честной молодежи, которая боролась против нас и верила, что хорошее дело защищает. Если союзники отбросят в наш лагерь честные контр-революционные элементы, которые мы примем с надлежащей осторожностью, но которым мы позволим приложить руки к делу в борьбе против Польши, а к союзникам и Польше пойдут самые бутербродные патриоты, то это будет стоить Польше и союзникам многих миллионов и миллиардов, а нам вреда это не причинит, ибо бутербродные патриоты очень охотно кормятся в тылу, но бороться на фронте они не согласны. Союзники, если они берут курс на польскую войну, помогут нам

только получить значительные кадры специалистов, которые усилят Красную Армию. Мы им за это будем благодарны, ибо специалисты на войне очень нужны. Если, товарищи, взять **материальную сторону дела**, то, что касается числа, не подлежит сомнению, что громадная территория Советской России, освобожденная Красной Армией, в состоянии выставить в 10 раз больше солдат, чем Польша. Не подлежит сомнению, что мы можем бить поляков числом. Поляки говорят, что это нам не удастся, потому что **транспорт** у нас разрушен. Но, во-первых, надо обратить внимание на то, что польский транспорт, который я имел удовольствие наблюдать, не лучше нашего. И если бы поляки получили паровозы и вагоны от союзников, то они только помогут нам их разбить, ибо, товарищи, **если нам трудно подвезти войска на Волынь, трудно защищаться на Украйне (потому что очень трудно перебросить туда значительные силы), то если поляки пойдут вглубь Украины, приблизятся к нашему Кавказскому фронту, к центральному району России, то само собой понятно, что у них будут очень далеки базы, у них будет восстающий тыл, а мы будем иметь крепкий кулак, мы будем иметь войска, собранные в ударные пункты.** И эти войска отбросят зарвавшихся авантюристов и будут их так бить, как били войска конной армии Буденого—армию Мамонтова и Шкуро, когда они далеко зашли от своей базы. С точки зрения снаряжения, винтовок, снарядов нам нечего жаловаться на союзников.—Вы знаете, что наша добыча на кавказском, архангельском фронтах так велика, что союзникам долго придется привозить в Польшу, пока она будет иметь столько, сколько имеем мы. При этом полякам придется платить, а мы задаром получили. Дальше, у поляков нет никакой военной промышленности. Поляки не знают, что мы в 1919 году больше произвели военного снаряжения, посредством нашей собственной военной промышленности, чем это имело место в 1917 году, перед революцией. У нас военная промышленность работает, и мы в этом смысле, при известных условиях, на очень долгую кампанию вполне обеспечены.

Мобилизация масс.

Дело состоит только в том, чтобы русские народные массы поняли угрожающую нам опасность. А опасность угрожает потому, что, во-первых, если мы не соберем все силы, чтобы скорей кончить эту войну, то будет расстроена вся наша трудовая кампания, которая должна была сделать нам возможным осенью, во время сбора хлеба, запастись для городов нужным количеством продовольствия, что если мы не сумеем скоро собрать силы, ответить полякам на их наступление нашим наступлением, то нам эта война будет стоить многих разрушений. Поэтому, будучи вполне убеждены в том, что мы в этой войне

победим, мы должны указывать, что если массы не поднимутся, если они не дадут Красной Армии громадного количества сознательных сил, то нам придется снова провести ужасную зиму, без топлива и без хлеба, ибо если мы будем воевать, то наши железные дороги не сумеют подвозить дрова, не сумеют подвозить керосин из Баку, не сумеют снабдить города продовольствием. Потому, несмотря на то, что мы имеем все шансы на успех в польской войне, мы должны бить тревогу, мы должны народным массам говорить: «Да, не подлежит сомнению, что мы поляков разобьем, но вопрос состоит в том,—**разобьем ли мы их после того, как нам придется перенести ужасную зиму, или разобьем до осени, и будем ли мы в состоянии взяться за работу, чтобы не голодать и не выносить холода?**» Поэтому надо собрать все силы для этой войны, надо бросить мечту о том, что мы можем спокойно трудиться. Да, труд, дисциплина теперь необходимы, но они нужны в первую очередь для скорейшей победы в этой последней войне, которую нам теперь приходится вести, **ибо если мы разобьем поляков в скором будущем, то нет больше сил, которые союзники могут мобилизовать против нас.** Тогда вы услышите, что союзники были всегда против этой войны, тогда союзники станут кляться в своем миролюбии и будут говорить с нами, как чуть ли не с цивилизованной страной. Товарищи, если мы скоро разобьем поляков, если мы одержим верх в этой войне, то мы будем иметь в 10 раз более льготные условия мира и с союзниками, потому что тогда мы им скажем: «Вы, господа, хотели получить проценты за старые русские займы, мы были бы рады платить эти проценты, но член вашей Лиги Наций, Польша, поддерживаемая нашим главным кредитором Францией, она все уже съела, что мы хотели вам дать». Когда союзники будут ставить нам условия о возмещении убытков за то, что национализировали их промышленность, то мы укажем на эти десятки тысяч убитых рабочих и крестьян в этой войне, которую союзники могли сделать невозможной, если бы они хотели. Товарищи, если мы выйдем в скором будущем победителями из этой войны, положение Советской России будет крепкое. Советская Россия будет тогда государством, на которое не посмеет никто поднять руку.

Наши цели.

Какие же цели преследуем мы, товарищи, в этой войне? Советское правительство все время шло на величайшие уступки по отношению к Польше. Стремясь к миру даже с белогвардейской Польшей, Советское правительство знало, что с разбойниками честного мира не заключить, что разбойник говорит о честном мире только тогда, когда лежит на земле, а человек, которого он хотел ограбить, поставил ему ногу на грудь. Тогда он гово-

рит: «Как же ты хочешь убить безоружного человека?» Германский империализм, который нас грабил, в Версале говорил о честном мире. Идя на мир с Белой Польшей, мы готовы были отдать ей часть Белорусской территории, может быть, часть Волыни. Это мы делали потому, что знали, что в Польше нарастает революция рабочих, что в Польше, может быть, через полгода или год рабочие возьмут власть, освободят крестьян в Литве и Белоруссии. И мы, щадя кровь рабочих и крестьян России и Украины, одновременно щадили от военного разрушения то, что еще остается крестьянам в Литве и Белоруссии. Товарищи, теперь, в начале войны, Советское правительство имеет только одну цель — **защитить Советскую территорию от польского нашествия.** Мы ведем в буквальном смысле этого слова **защитительную войну.** Мы не выдвигаем в данный момент никакого официального лозунга, не говорим, что мы будем заключать мир тотько с советской Польшей, с рабоче-крестьянской Польшей, потому что, если наши победы принудят польских белогвардейцев заключать с нами мир, понятно, теперь уже на других условиях, чем это было возможно в марте месяце, то мы пойдем на этот мир, чтобы вернуться к трудовой жизни, к работе. Но если польское белогвардейское правительство навяжет нам эту **войну до конца, то чем более жертв будет требовать эта война от народных масс Польши, тем более она приблизит нас к тому, что и польские рабочие скажут: «Надо устранить преступную клику польских помещиков и капиталистов, которые не хотели быть соседями Советской России». Если белогвардейская Польша не хочет быть мирным соседом Советской России, то нет места для белогвардейской Польши.** И польские крестьяне и рабочие, которые в процессе этой войны усилятся, ибо как бы польское правительство ни нажимало усиленно на эти массы, как бы оно ни усиливало преследования этой массы, не подлежит сомнению, что если они будут посылать сотни тысяч польских рабочих и крестьян на фронт,— то и польские рабочие будут в состоянии сказать свое слово. Польские коммунисты будут в состоянии встать во главе рабочего класса Польши; и тогда лозунг **Советской Польши, Рабоче-Крестьянской Польши** будет лозунгом, который не принесет Красная Армия на своих штыках, а который **встретит Красную Армию на границе Польши, встретит как лозунг широчайших народных масс в самой Польше.** Советское правительство—не молодец, которому «море по колено». Мы знаем, что при экономической разрухе, при кризисе нашего транспорта, при нашем истощении, эта война будет очень трудной, и потому задачи коммунистической партии в этой войне—**напрячь** все силы, чтобы мы кончили ее скорее, кончили победой, дабы мы ее кончили так, чтобы иметь обеспеченного мирного соседа на Западе, который не был бы загородкой между нами и рабочими Европы, который был бы на деле, а не на словах только, соседом, желающим жить с нами

БИБЛИОТЕКА
Ка-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

в мире и согласии. Мы из войны выйдем скоро, победителями, при одном условии, **если партия исполнит** свой долг, а я убежден, что партия этот долг свой исполнит. Вам придется из Москвы, как одного из источников нашей силы, выезжать не раз и не два для политического подкрепления фронта, и потому вы должны все сделать, чтобы осведомиться самым лучшим образом насчет вопросов, выдвигаемых польской войной, чтобы мы, посылая на фронт московских рабочих, могли быть уверены, что посылаем вождей для этой войны, вождей, которые сумеют сражаться не только словами, а фактически, на деле быть мозгом и сердцем армии, побеждающей белую Польшу.

О характере войны с белой Польшей.

(Статья из „Правды").

I.

О характере войны, которую Советской России навязала белогвардейская Польша, идут разговоры среди товарищей. Некоторые товарищи боятся последствий этой войны, как **войны национальной.** Так как ети споры имеют источником не только непонимание дела одним или другим товарищем, а и самую **сложность войны с Польшей, как исторического явления,** то надо вопрос начать с основного: **что такое национальная война?**

Исторически национальными войнами марксисты называли войны, ведомые **буржуазией для соединения под своим руководством территорий,** на которых жило население одной нации. Таковы войны Германии, начиная с Наполеоновской эпохи, впредь до 1871 года, таковы войны итальянской буржуазии в начале XIX столетия, до создания королевства Италии. В прямом противоречии с этими национальными войнами находятся войны **империалистические,** которые буржуазия ведет за захват чужих земель, завоевание рынков и колоний. Национальные войны молодой буржуазии имели целью соединить связанные общностью населения земли, дабы создать на них вместо отсталого феодального строя высший капиталистический; войны империалистические должны капиталу стран, в которых он уже отжил свой век, дать новые силы для борьбы с рождающимся высшим, коммунистическим строем. Войны национальные были элементом прогресса, войны империалистические служат реакции.

Невозможны ли в эпоху империализма национальные войны? Ничуть.

На всем **Востоке,** в Турции, Китае, Индии такие войны не только возможны, но, по всей вероятности, они явятся последствием ослабления европейского капитализма, эксплоатирующего эти страны, войнами империализма. Но возможна ли национальная

ная война буржуазии в самой Европе? Возможна ли теперь национальная война в Германии, в Венгрии? Если дело идет о войне буржуазии Германии, Венгрии против союзного капитала, который Версальским миром растоптал эти нации, наложил на них экономическое иго, то не подлежит сомнению, что несмотря на то, что есть стремления к такой войне, эта война очень неправдоподобна, ибо капиталисты этих стран находятся в одновременном противоречии и с рабочим классом, и с Антантой. Так как рабочий класс угрожает им уничтожением всего господствующего их положения, а союзники делают из них посредника своей эксплоатации народных масс Германии и Венгрии, то национальная вражда по отношению к союзникам уступает место вражде капитала против восстающего пролетариата. Но разве это означает, что этот пролетариат, победив свою буржуазию, будет спокойно выносить иго иностранного капитала, что он сможет устанавливать свою диктатуру и взяться за социальное строительство, оставаясь расчлененным, оставаясь под гнетом капитала Антанты? Если в Германии и в Придунайских странах революция победит скорей, чем во Франции, Англии и Америке, то пролетариат этих стран будет стоять пред вопросом войны с союзниками, - войны, которой он временно может избегнуть в тактических целях лавированием, дипломатическими увертками, но которая может оказаться исторической необходимостью. Эта война будет иметь целью **освобождение территории, на которой живет германский пролетариат или венгерский пролетариат, подготовленный уже ходом событий к рабочей диктатуре.** Это будет война за собирание всей территории германской или венгерской нации в руках диктатуры германского или венгерского пролетариата. Переменились классы, ведущие войну, но осталась **национальная цель**—собирание в руках господствующего класса территорий населения данной нации: в капиталистическую эпоху территорию нации собирала буржуазия для водворения капитализма, в эпоху рабочей революции собирает ее пролетариат для водворения коммунизма. Кто отрицает, что **в этой войне соединяются национальная и социальная цели, тот отрицает факты.** Кто скажет, что собирание национальной территории является только средством к высшей цели, к диктатуре пролетариата для проведения коммунизма, тот забывает, что и для буржуазии национальная территория сама по себе не была самоцелью; целью которой было подчинено собирание национальной территории, было установление господства буржуазии, как организатора капиталистического производства. Поэтому, если надо было, буржуазия отказывалась от части национальной территории. Отказ пролетариата, по тактическим соображениям, от части своей национальной территории или переход за ее пределы не представляет собой в этом смысле ничего нового. **Социальная война пролетариата, которому угрожает чужестранный капитал, является не менее национальной войной,** чем являлась борьба буржуазии

против чужестранного угнетения. Этому положению не противоречит факт, что своей национальной цель достигает пролетариат путем не только войны с внешним врагом, с иностранным капиталом, но с гражданской войной и с собственными помещиками и капиталистами. Эпоха буржуазных национальных войн была в то же время эпохой гражданской войны молодой буржуазии против собственных помещиков, феодалов, которые шли часто рука об-руку с чужим эксплоататором и угнетателем.

II.

Как же дело обстоит **в России?** Некоторые товарищи указывают на то, что **польская война ничего нового не представляет** в сравнении с теми, которые и до этого времени вела Советская Россия, ибо и в борьбе против Деникина, и в борьбе против Колчака мы натыкались на штыки английских, французских и японских войск, ибо иностранный капитал поддерживал и Деникина, и Колчака. Разница только та, что теперь мы будем иметь дело в первую очередь с чужестранной, армией, хотя не исключена возможность того, что ее будут поддерживать и русские белогвардейцы, что, если, скажем, крымской добрармии удастся выйти из Крыма, то она может стремиться к соединению с польской армией. Эти аргументы должны были бы только поставить товарищей, их выдвигающих, перед вопросом: **не имела ли наша гражданская война против Деникина, Колчака и Юденича характера тоже национальной борьбы против, чужестранного нашествия? Вся капиталистическая** печать английская, французская, великолепно понимала, **что наша гражданская война есть одновременно война за независимость России, за ее соединение против попыток победоносного французского, английского и американского капитала сделать из России свою колонию.** Россия вышла из империалистской войны страной побежденной; ее победил германский империализм. Но когда англо-американо-французский империализм победил империализм германский, то он начал смотреть на Россию, как на свою добычу. Вершители судеб человечества в Версале начали раздавать территории, принадлежащие бывшей Русской империи, кому им хотелось, не спрашивая населения этих областей, хочет ли оно оторваться от России или нет. Они поддерживали Деникина, Колчака и Юденича не только потому, что хотели скинуть Рабоче-Крестьянскую власть, а потому, что были убеждены, что белые, победившие с их помощью, окажутся в полной зависимости от них. Для того, чтобы держать их в полной зависимости от себя, англичане стремились к захвату островов Даго и Эзеля, господствующих над Финским заливом, т.-е. над подходом к Петрограду; англичане держат все пути к Черному морю; англичане, американцы и французы предъявляли беспрерывно Деникину требование о скорейшем вывозе сырья и т. д., и т. д.

Именно это стремление иностранного капитала сделать Россию своей колонией явилось одним из источников провала попыток свержения нас руками Деникина, Колчака и Юденича. Создавая во имя своих интересов окраинные государства против воли Деникина, проявляя беспрерывно корыстность по отношению к нему, англичане и французы сеяли недоверие к себе в рядах добрармии; встречаясь с этим недоверием, они не решались поддерживать Деникина и Колчака с той энергией, которая была нужна для того, чтобы белые победили красных. С другой стороны, не подлежит ни малейшему сомнению, что та часть бывшего кадрового офицерства, которая честно исполняла свой долг в нашей гражданской войне против Деникиных, Колчаков и Юденичей, делала это потому, что понимала, что Советская Россия, победив Деникина, Колчака Юденича, **соединяет землю, населенную русскими, и защищает Россию от участи колониальной добычи бывших союзников России.** Гражданская война пролетариата России была войной против русского капитала и русских помещиков за предпосылку коммунистического строительства; первой такой предпосылкой является **территориальная независимость русского народа** от союзников и его мощная военная организация под руководством Советского правительства.

Что изменилось с начала польского наступления? Изменение, которое налицо, характера, в первую очередь, количественного. Количественно пока-что мы имеем дело с **иностранным противником,** с польскими войсками, руководимыми польскими белогвардейцами. Русская контр-революция настолько разбита, что она не в состоянии в этой схватке сыграть руководящую роль. Поляки если получат подкрепление в этой войне, то со стороны румынских бояр, финских и латышских белогвардейцев. Это отсутствие значительных русских белогвардейских сил на Западном фронте бросается в глаза и народным массам, и честному патриотическому элементу из бывших господствовавших классов России, и потому они еще более ярко, чем во внутренней гражданской войне, ощущают характер ее, как борьбы за независимость страны. Далее, Антанта прикрывала свою политику, маскировала свои колониальные тенденции криками против большевизма, маской борьбы за капиталистический порядок и за цивилизацию в России. Польское правительство, польская пресса цинически открыто заявляют, что им **безразлично, кто в России господствует, если только Россия будет слаба.** И всякий русский патриот буржуазного толка великолепно понимает, что поляки не собираются скидывать большевиков, **что большевики могут от поляков ежедневно получить мир, если только бросят им достаточно крупный кусок русской земли и уплатят достаточно крупную контрибуцию.** Это вызывает чувство национальной ненависти у русских буржуазных патриотов, чувство ненависти к Польше. Таким образом, в сознании широких кругов количественная разница переходит в качественную, и в то время, когда все наши

гражданские войны в прошлые два года были войнами тоже национальными, этим массам кажется, что польская война является в первую голову—национальной.

На деле это одна только видимость. Наша гражданская война была всегда и национальной войной, была собиранием русской земли в руках диктатора рабочего класса, была всегда борьбой за независимость страны от ига чужестранного и собственного капитализма. Война с Польшей может принять характер самой тяжелой схватки с русской контр-революцией, если бы польским белогвардейцам удалось нанести нам чувствительные удары. Мало того, при напряженности классовых противоречий в Польше она может расширить свою базу, как гражданская война и принять характер борьбы русского и польского пролетариата против русского, польского и международного капитала. В виду того, что это есть первая наша серьезная борьба на западе, ввиду с каждым днем все более растущей волны революции в Германии, она кроет в себе громадные возможности международного пролетарского масштаба. Задачей коммунистов является—учесть весь сложный характер событий, а не уклоняться от их понимания путем закрывания глаз на одну или другую сторону этой войны.

III.

Перед какими вопросами ставит нас этот **сложный характер войны**, которую нам навязывают и которую мы должны вести с полной энергией? Тактически нам приходится стараться **избегнуть двух ошибок. Нам нельзя разжигать русский шовинизм, ненависть ко всему польскому.** Мы не только не ведем войны против всего польского народа, мы не только солидарны вполне с польским рабочим классом, которому окажем громадную услугу, разбив в пух и прах войска белогвардейской Польши, но мы аппеллируем к солидарности польского пролетариата, мы ему доказываем, что в его интересах лежит помочь нам своим восстанием в тылу польской армии победить ее. Мы указываем ему, что **Советская Россия** защищает не только **завоевания русской революции**, земли и фабрики, пролетарскую власть русских рабочих, но что она является **столпом мировой революции**, что польский пролетариат, имея соседкой Советскую Россию, будет в десять раз сильнее в момент своего восстания, чем если бы в России не было крепкой рабочей власти. Имеется ли фактическая опасность, что **этот основной характер нашей агитации будет уничтожен, потому что мы одновременно будем подчеркивать, что эта война есть—война за независимость русской земли**, что мы будем употреблять в этой войне силы всех, которые придут к нам на помощь, не потому, что мы защищаем советский строй и коммунизм, а потому, что мы защищаем независимость России? Кто это утверждает, тот **не дооценивает нашей силы.** Мы господ-

ствующая — партия, в наших руках все органы власти, вся печать, вся служба связей, вся пропаганда на фронте и в тылу, мы единственная сила с цельной идеологией, мы представители общих интересов трудового народа России, и мы можем совершенно не опасаться, что не сумеем использовать людей, желающих нам помочь, без того, чтобы эти люди навязали нам свою идеологию. Предполагать это смешно и недостойно. Чего нам бояться? Не того ли, что в нашей душе проснется старый националистический инстинкт, что нас изнутри захлестнет волна национализма? В наших рядах находятся люди буржуазного и дворянского происхождения, в которых могли бы возродиться националистические предрассудки, но в большинстве своем наша крепкая пролетарская партия всегда была чужда шовинизму и ей нечего бояться за свой интернационализм.

Нам угрожает другая опасность, которая состоит в том, что мы не сумеем **для этой тяжелой борьбы, которая нас ожидает, достаточно использовать здоровые патриотические инстинкты, живущие в народных массах России и в широких кругах интеллигенции, которая до этого времени была враждебны нам, не только по социальным мотивам, а потому, что она считала нас элементом развала русского народа.** Крестьянин был патриотичен, пока находился под гнетом, в полном бесправии. Революция дала ему землю. Крестьянин теперь чувствует, что земля его, он завоевал свое право на патриотизм, он должен чувствовать свой долг, защищать эту землю Во имя интернациональных задач русской революции его труднее двигать на борьбу, чем во имя его ближайшей патриотической задачи Мы бы были последними политическими дураками, если бы боялись сказать ему: „ты имеешь землю, ты обязан ее защищать", если бы мы пытались его мобилизовать только исключительно под лозунгом солидарности с мало ему известными польскими рабочими или белорусским крестьянином. Русский рабочий был сознательно антипатриотически настроен, когда буржуазия была у власти и когда патриотизм означал выдачу рабочего класса на растерзание буржуазии, но **он обязан быть патриотом, когда власть в его руках, когда он — вождь русского народа, ответственный за его судьбу.** Русский рабочий — интернационалист Но между нашей патриотической и нашей интернациональной задачей в этой войне нет ни малейшей разницы, нет никакого противоречия. Русскими патриотами должны теперь быть все рабочие всего мира, ибо Россия есть единственная страна, в которой рабочий класс взял власть. Должны ли мы отказаться от использования патриотического чувства части интеллигенции, части офицерства, идущих к нам на работу? Если бы мы это сделали, мы бы доказали, что **мы не доросли до роли рабочего правительства, до роли вождя в революции.** Всякая революция требует от руководящих классов уменья использовать силы других классов, ему подчиняющихся. Употребить эти силы—это значит не только командовать и управлять

ими принуждением, но влиять на них идейно, взывать к их чувствам и настроениям.

Рабочий класс—гегемон русского народа. Он сломил силы буржуазно-помещичьей контр-революции, он обязан вести мелкобуржуазные слои населения в бой за собою, пользуясь при этом всем, что в них есть прогрессивного, всем, что может послужить делу мировой революции. Он служит международной революции, защищая целость и независимость своей страны. Он может говорить патриотическим языком, ибо его страна есть первая страна победоносного мирового пролетариата.

Карл Радек.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Вторая Государственная типография. Трехпрудный, 9.